

— По приказу вдовствующей императрицы, — прошептала Кадзу, опустив голову, будто погружаясь в мрачные воспоминания. Дзюсэцу вспомнила слова Кошуна: "Эта женщина убила мою мать и моего друга". Он произнес их накануне ее казни, имея в виду вдовствующую императрицу. — Он был "другом" Кошуна? — спросила Дзюсэцу, вглядываясь в лицо Кадзу. Та подняла голову и моргнула, словно просыпаясь от своих мыслей. — Да, был. Его Величество называл его своим другом, — ответила Кадзу, голос ее стих, словно затихла мелодия. — Не произноси это имя в его присутствии. Это откроет старые раны. Дзюсэцу почувствовала, как глубока эта рана. Она почти вспомнила Кошуна в ту ночь, но отбросила эти мысли. Лучше не копаться в его чувствах, они могли бы поглотить ее саму. — Начнем с того, что у меня нет таких отношений с этим человеком, чтобы мы болтали за чаем, — заявила Дзюсэцу, вставая. — Ты уже уходишь? — Кадзу тоже поднялась. Дзюсэцу бодро направилась к выходу, Дзюдзю, стоявший в стороне, поспешил за ней. Она спустилась по ступеням и уже собиралась покинуть дворец, как вдруг остановилась на пороге, глядя в сторону соседнего дворца. Дворцовые дамы деловито продолжали собирать подношения. Дзюсэцу наклонила голову, словно ей показалось. — Ей показалось, что она почувствовала присутствие призрака. Но это было лишь на мгновение, и она не была уверена, было ли это на самом деле. Теперь она больше не могла почувствовать его. Во внутреннем дворце было много призраков, появляющихся и исчезающих. Был ли это один из них? Дзюсэцу не могла уделять внимание каждому из них. Она снова двинулась вперед, ее туфли хрустели по гальке. Дзюсэцу не замечала, как за ней наблюдают издали. До нее доносились звуки евнухов из ночного патруля, объявляющих время, и глухой стук барабанов. Когда звуки стихли, она открыла глаза. Она встала с кровати и раздвинула шелковые занавески. Синьсин суетился. — Значит, он прибыл, — пробормотала Дзюсэцу, щелчком пальцев открывая дверь. Это был Кошун. И, как всегда, И Сэй следовала за ним, словно тень. — Как и ожидалось, отец Лунный Свет умер, — заявил Кошун, садясь на стул. — Ты уверен? — спросила Дзюсэцу. — Его приговорили к наказанию палкой и изгнали за пределы провинции, но он умер до того, как его отлупили сотню раз. Очевидно, он был очень истощен и не выдержал. — Поскольку он престарелый, то так оно и есть. — Нет, его звали "Отец", но он не был пожилым человеком. — Почему его называют "Отец", если он не старый? — Никто точно не знает. Его настоящее имя тоже неизвестно. Он пришел откуда-то и прославился своими гаданиями и предсказаниями. Говорят также, что он умел колдовать. А еще... — Кошун замолчал, быстро оглядывая комнату. Цзюцзю уже ушла, в комнате никого не было. — Ходят слухи. Говорят, что отец Лунный Свет был членом предыдущей императорской семьи. Дзюсэцу почувствовала, как заалели ее щеки. — Нелепо. — Нет никаких доказательств. Есть только этот тайный слух. Это могут быть слова, сказанные без особого размышления, используемые для привлечения верующих. Возможно, так оно и было. Это был обычный метод обмана, чтобы заставить людей поверить в правдоподобную ложь о том, что человек, о котором идет речь, на самом деле незаконнорожденный ребенок императора или сын высокородного дворянина. — ...Какого рода гаданиями, предсказаниями и колдовством занимался этот человек? — спросила Дзюсэцу. — От таких пустяков, как поиск потерянных вещей, до обвинения людей в убийствах, о которых никто не знал, и раскрытия супружеской измены. Он также хорошо предсказывал погоду. Что касается колдовства, отец Лунный Свет, как говорят, использовал призрачного тигра, чтобы напасть на тех, кто насмехался над ним, и превращал жезл в змею. Я не знаю, насколько это правда, — сказал он. — Иллюзии и искусство превращения... — пробормотала Дзюсэцу. Это были те искусства, которыми владели шаманы. Дзюсэцу не могла понять, насколько Отец Лунный Свет был сильным шаманом. Поиск потерянных вещей или предсказание погоды - это то, что можно легко подделать. Однако, если магия иллюзий была правдой, то он сам по себе был шаманом. Наблюдая за погруженной в раздумья Дзюсэцу, Кошун продолжал: — Есть еще такая история. Некоторые говорят, что Отец Лунный Свет - это не один человек. Видимо, были времена, когда он казался другим человеком. Это похоже на божественную одержимость. — У него есть близнец? — спросила Дзюсэцу. — Некоторые чиновники подозревали это и сурово допрашивали его — но тогда один из них мог бы

совершить побег, но, видимо, это не тот случай. — Это так... Чем больше она слышала, тем меньше понимала. Кто же такой Отец Лунный Свет? — Это почти все, что мы узнали. Я дам вам знать, если мы узнаем что-то еще, — сказал Кошун, быстро вставая. Это было редкостью. Он всегда задерживался, даже когда она пыталась его прогнать. — Сегодня вечером я навещу Кадзу. — Я не спрашивал. — Кошун сунул руку в карман и достал саржевый парчовый мешочек. Он бросил его Дзюсэцу. У нее не было выбора, кроме как протянуть руку. Мешочек попал в ее ладонь. — Не бросайся вещами. — сказала Дзюсэцу. — Это сушеные абрикосы. Съешь их, — сказал он. Когда Кошун приезжал сюда, он часто давал Дзюсэцу такие вещи. Ей не нравилось такое поведение, как будто он приучал обезьяну к корму, но вещи, которые он давал ей, были вкусными. — ...Кадзю сказала мне, что ты недавно изменился, — сказала Дзюсэцу, заглядывая в мешочек. — Изменился? В каком смысле? — Она сказала, что ты стал более выразительным. — Когда ты говоришь обо мне. Но она держала эту часть в секрете. Кошун безразлично наклонил голову в сторону. — Должно быть, она ошиблась. С этими словами Кошун покинул дворец. Поедая абрикосы, Дзюсэцу некоторое время наблюдала за его спиной, удивляясь, как такой человек, как он, может казаться выразительным. В тишине стоял густой аромат роз. Кошун прошел между розами в темноте и подошел к дворцу Эноу. Кадзу ждала перед ступенями вместе со своими сопровождающими. И Сэй, державшая фонарь, двигалась позади него. Кадзё опустилась на колени и склонилась перед Кошуном. Кошун был поражен тем, что девушка, которая когда-то была немного сорванцом и всегда выигрывала у него в пятнашки, стала такой грациозной. Но он не стал этого говорить, потому что в ответ получил бы от нее вдвое больше сарказма. — Ты ходил к Консарту Ворона? — спросила Кадзу, потягивая чай, после того как ее слуги удалились. — Да. Кадзу молча смотрела на Кошуна. На ее лице была улыбка, но он прекрасно понимал, что она упрекает его. Кадзу, словно строгая старшая сестра, не унималась. — Я пошел туда только для того, чтобы сообщить информацию, — оправдывался Кошун, голос его звучал виновато, как у младшего брата, попавшего под горячую руку. Кадзу вздохнула. — Тебе не следует так часто посещать Консарт Ворона. Это источник дурных слухов. — Я не так часто туда хожу, — возразил Кошун. — Консарт Ворона отличается от других консартов. Она не та, в кого Ваше Величество может влюбиться. Это создаст проблемы и для нее. Почему вы так привязаны к ней, как ребенок? — Привязан? — переспросил Кошун, не понимая, что имеет в виду Кадзу. — Ты привязан к ней, не так ли? — настаивала она. — Я просто хочу увидеть ее и поговорить с ней, — признался Кошун. Ему была интересна реакция Дзюсетсу. Он хотел увидеть, что она скажет и какое лицо сделает. — Если ты хочешь поговорить с кем-то, сделай это с другим консартом. Это не входит в обязанности Консарта Ворона. Ваше Величество, вы избалованы ее добротой. — Она добрая? — удивился Кошун. — У нее доброе сердце. Она из тех, кто не может никого бросить. Вот почему она прислушалась к моей просьбе, — ответила Кадзу. Кошун уставился на свою чашку с чаем. От нее поднимался теплый пар. — Конечно, во время инцидента с нефритовой серьгой Дзюсэцу работала так усердно, потому что ей было жалко этого призрака. — Вы не должны доставлять ей неприятности или причинять боль без необходимости. Вы пожалеете об этом, Ваше Величество, — предупредила Кадзу. — Я понимаю, — ответил Кошун честно. Он никогда не мог пойти против Кадзу. Наступила третья ночная стража (с одиннадцати вечера до часу ночи), и Кошун покинул дворец Эноу. Ночь потемнела еще больше, и от цветов исходил сильный аромат. Кошун, шедший между розами, быстро остановился. — Изменился ли я как-нибудь? — спросил он у И Сэй, который шел позади него как тень. После небольшой паузы И Сэй ответил: — Смирно скажу, что некоторые аспекты изменились. После еще одной короткой паузы он добавил: — Когда речь идет о Супруге Ворона. — Охо, — ответил Кошун, как будто речь шла о ком-то другом. У него действительно было некоторое самосознание. У него был интерес к Дзюсетсу. Дошло до того, что он спросил ее, не станет ли она его консартом — это, как и сказала Дзюсетсу, было полусонным разговором. Например, о чем думала Дзюсетсу в эту ночь, одна в этом черном дворце? Он думал об этом. Кошун посмотрел на небо. Луна светила сквозь облака, похожие на тонкий шелк. Бездонное черное небо было похоже на перья ворона. — Да,

эта девушка одна. Сейчас у нее есть дворцовая дама и прислуга, но до этого она жила только со служанкой, которая заботилась о самом необходимом. Она жила тихо, словно прячась от чужих глаз. — Консорт Ворона...И Сэй уловила его бормотание. — Ты что-то сказал?— Нет, ничего, — ответил Кошун и снова начал ходить среди роз. Это была тихая ночь. На следующий день произошел инцидент.

<http://tl.rulate.ru/book/80038/3013502>